

гласиться с А.Ворониным, который писал: "В многочисленных уральских сказах и легендах Ермака называют Василием Тимофеевичем Алениным" (Воронихин А. К биографии Ермака // Вопросы истории. 1946. №10. С.99). Он приводит единственный пример - сказ П.П.Бажова "Ермаковы лебеди". Если даже допустить, что П.П.Бажов слышал еще в детстве где-нибудь в Сысерти, Полевском, Екатеринбурге предания, в которых Ермак назывался Василием, то можно ли утверждать, что его действительно так звали? Думается, нет. Это один из вариантов. Разнобой в наименовании героя существовал уже в первые десятилетия XVII века, затем постепенно исчезал, но так и не исчез до конца XIX века, во второй половине которого П.Н.Рыбников записывал:

Появился к нам сибирский царь,
Сибирский царь Ермак Тимофеевич,
Ермак Тимофеевич Бургомиров...

Эта запись сделана именно среди уральцев - крестьян Екатеринбургского уезда Пермской губернии, где родился и вырос П.П.Бажов (Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. М., 1910. Т.2. С.720). Очевидно, что Ермак такой же Аленин, как и Бургомиров.

Правоммерно будет считать ряд известий "Сказания" фольклорного происхождения. Это следующие: Василий Аленин - из бедной семьи, его отец в поисках "лучшего пропитания" оказался в вотчинах Строганова; Василий с детства "в работе на судах", он кашевар, отсюда прозвище - Ермак; Ермак, когда стал "силен", собрал артель и "пошел от работы на разбой"; артельщики "видели его смелость и проворство, поэтому "по выбору назвали его атаманом".

И.Е.Васильев

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ И ЭСТЕТИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА

Литературно-художественный авангард, существуя в виде различных, сменяющих друг друга направлений (футуризм, обэриуты, концептуализм и др.), занимает свое место в культуре XX века. Он выражает (часто бунтарски, эпатажно) неудовлетворенность состоянием искусства и стремится его модернизировать. Для авангарда, всегда чуждого успокоенности, характерно наступательное продвижение впе-

ред, активные поиски новых форм, средств и способов творчества, адекватных усложняющимся условиям существования и изменяющимся естественно-научным и мировоззренческим представлениям.

Приоритет новизны, свойственный авангарду, объясняется отторжением от стереотипов, идеологии, смысловой тавтологии, царящей в массовой культуре индустриального общества. Его экстраординарные культурные мероприятия являются (особенно в начальную пору) вызовом обывательской благонамеренности, разрушают логику пресного здравомыслия и скуку жизни. Авангарду претит картезианский тип мышления, своей рационалистичностью ставящий пределы человеческим возможностям, поэтому предпочтение отдается бессознательному, подсознательному и интуитивному, с помощью которых открывается неведомое и необычное.

Внимание к крайним явлениям, ко всему паранормальному расширило сферу художественного, куда теперь входит то, что ранее считалось маргинальным. Воплощая лозунг жизнестроения, авангард мыслит снять традиционные оппозиции искусства и жизни, иллюзии и реальности.

Поскольку искусство живо в поле напряженного взаимодействия старых и новых правил, воспроизведения, воспроизведения эстетических норм, обновления их и преобразования, происходит перераспределение силовых взаимодействий и внутри произведений. В иерархии художественных элементов наблюдаются трансформации, распатывающие прежнюю конструктивную основу. Эстетический эффект связывается в новом искусстве с перекомпоновкой источников художественного впечатления. Генерализующими становятся принципы дисгармонии как созидательного разрушения. Перевернутость связей и отношений, "наоборотное" устройство произведений манифестируют антиповедение художника, отступающего от господствующего канона.

Большое место в искусстве авангарда занимает неопределенность, связанная со случайностью; используются различные виды "шлохого" письма, ориентированного на заданный непрофессионализм, примитивистские типы сознаний, опосредующие изображение, экстранормальные состояния. Преобладающими приемами становятся монтаж фрагментов, коллаж, соединяющий несоединимое, паратаксис, организующий гетерогенную художественную реальность.

В искусстве авангард ценит импровизационность и спонтанность, нейтрализующие традиционное целеполагание, продумывание замысла и его "воплощаемость". Авангард, как правило, не подражает действительности, а творит (изобретает) свою собственную реальность. Часто это самопорождающаяся реальность, которая образуется путем наращивания и самооглядки текста, развивающегося из ассоциативных связей и внутренних движений автора.

Огромное место в авангардном творчестве занимает положение, когда технология искусства воспринимается как сам предмет искусства. Героем литературы становится язык. Натуралистическое толкование предметной сферы при этом заменяется переносом центра тяжести на знаково-словесную сторону. Словесная ткань овещается, утрачивает собственно инструментальные функции и становится самоценной, по-особому значимой. Интонация, артикуляция и графика вдвигаются в светлое поле художественного сознания и расширяют выразительные возможности текста. Звуковая и начертательная стороны знака, его субстанционально-материальные грани получают автономию, освобождаются. С ними становится возможным экспериментировать, обновлять словесные единицы, не обращая внимания на их словарную семантику. Таким способом знак становится независимым от обозначаемого. Из простых атомарных форм конструируется новая предметная реальность. Например, игра означающих в визуальной поэзии, использующей комбинации различных шрифтов, оптико-живописное расположение словесной массы в виде рисунка со своей композицией и цветовой гаммой, переводит стихотворение в статус своеобразной картины.

В случаях миметических решений изображение в авангардном искусстве носит противоречивый характер, вызывая, с одной стороны, интерес, с другой - отталкивая своим антиэстетизмом, имморализмом и т.п. Сильны тенденции отчуждения автора от текста и читателя, ирония как способ оценки приобретает тотальную всеобщность, приводя к господству нонсенса и абсурда. Обращаясь к оборотной, изначальной стороне бытия, выражая безумие жизни, авангард высвобождает энергию иррационального, аккумулированного обеществом и человеком.